

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/3034-3364-2026-3-4>

УДК 930.2

Attribution

cc by

ДЕТСКИЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКОВ
В РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «ТЮРЕМНЫЙ ВЕСТНИК»)

Галиуллин И.Р.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. Статья посвящена анализу материалов официального органа Главного тюремного управления Российской империи журнала «Тюремный вестник» о детских исправительных учреждениях страны. В журнале публиковались основные законы, циркуляры, распоряжения тюремного ведомства, также обсуждались наиболее острые социальные и общественные вопросы. В работе анализируется правовое и социальное положение несовершеннолетних преступников в дореволюционный период и, прежде всего, отношение государства и общества к проблемам связанным с детской преступностью. В том числе, создание детских исправительных колоний и приютов во второй половине XIX века. При работе использован принцип историзма, сравнительно – исторический, логический метод, источниковедческий анализ и синтез.

Ключевые слова: дети, исправительные учреждения, история, тюрьма, Российская империя.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CHILD CORRECTIONAL INSTITUTIONS IN RUSSIA IN THE LATE 19TH AND EARLY 20TH
CENTURIES (BASED ON THE MATERIALS OF THE JURNAL "PRISONER'S NEWS")

Ilshat R. Galiullin

Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract. The article is devoted to the analysis of materials from the official organ of the Main Prison Administration of the Russian Empire, the journal Prison Bulletin, on children's correctional institutions in the country. The magazine published basic laws, circulars, orders from the prison department, and discussed the most pressing social and community issues. The paper analyzes the legal and social status of juvenile delinquents in the pre-revolutionary period. First of all, the attitude of the State and society towards problems related to child crime. This included the creation of children's correctional colonies and orphanages in the second half of the 19th century. The work uses the principle of historicism, comparative historical, logical method, source analysis and synthesis.

Key words: children, correctional institutions, history, prison, the Russian Empire.

Funding: Independent work.

Введение.

В России основные исследования по детской преступности начали публиковаться во второй половине XIX века в связи с проведением тюремной реформы. Это исследования Д.Г. Тальберга «Исправительные приюты и колонии в России» [1], В.Н. Никитина «Тюрьма и ссылка» [2], А.М. Богдановского «Молодые преступники: вопрос уголовного права и уголовной политики» [3] и др. Особо следует выделить сборник статей под редакцией известного исследователя истории тюрем дореволюционной России М.Н. Гернета «Дети преступники», который написан на основании статистических источников и судебных следственных дел [4].

В годы советской власти М.Н. Гернет продолжил работу в архивах и в результате было опубликовано пятитомное фундаментальное исследование «История царской тюрьмы», где есть разделы посвященные и детской преступности [5].

Из современных исследователей следует отметить:

- работу И. В. Синовой о быте воспитанников благотворительных заведений Санкт-Петербурга [6];

- анализу роли общественности в тюремных преобразованиях в XIX веке посвящена статья Беляевой Л. И. [7];

- организация деятельности детских приютов при тюрьмах, на примере Красноярского края, рассматривается в работе Лапо П.В. и Катциной Т. А. [8] и др.

Таким образом, в дореволюционный период исследованиями по детской преступности в России, в основном, занимались юристы. В последние годы появилось не мало исторических работ, посвященных истории детских исправительных учреждений. К сожалению, на данном этапе, тема остается все-таки мало изученной. Поэтому актуальным является анализ материалов журнала «Тюремный вестник» как важного источника по истории детских исправительных приютов и колоний Российской империи.

Обсуждение и результаты.

В российском законодательстве до XVIII века отдельно не предусматривались наказания для несовершеннолетних преступников. Впервые об ответственности детей за совершенные преступления содержится в указе Сената от 23 августа (по старому стилю) 1742 года. Поводом к его изданию стало дело об убийстве 14-летней Прасковьи Федоровой двух крестьянских детей. Указ Сената постановил, что уголовная ответственность начинается с 17 лет, дети не могут быть «подвергнуты ни пытке, ни сечению кнутом, ни смертной казни». Наказания заменялись «сечением плетью и отдачею в монастырь», где они должны были трудиться «чтобы они никогда праздны не были». За мелкие преступления детей часто вообще не привлекали к ответственности [9, С. 10]. В 1744 году на основании дела Прасковьи Федоровой был составлен еще один совместный указ Сената и Синода, по которому малолетними признавались дети до 12 лет. С этого возраста предписывалось поступать «по государственным правам и указам» [9, с. 11].

Таким образом, эти указы противоречили друг другу и вносили путаницу в судопроизводство.

Упорядочение и систематизация законодательства России произошло при Екатерине II. Был издан указ определяющий порядок ответственности для несовершеннолетних преступников. До 10 лет дети не могли быть подвергнуты наказанию и переданы суду. Наказания за тяжкие преступления начинались с 14 лет. Детей от 14 до 17 лет освобождали от телесных наказаний, но не от каторги, хотя сроки могли и сократить по решению суда. За мелкие преступления в виде наказаний детям от 10 до 15 лет применяли розги, старших 15 лет секли плетью [9, с. 12]. В «Наказе» (1767) Екатерины II впервые был затронут вопрос о необходимости отделить взрослых заключенных от малолетних. Несовершеннолетние заключенные так называемые «юные сидельцы» содержались в одинаковых условиях со взрослыми преступниками [10, с. 416].

Судьба детей-заключенных заинтересовала в начале XIX века основателя «Общества для улучшения порядка в тюрьмах и исправления преступников» («Попечительное о тюрьмах общество», 1819) англичанина Вальтер Веннинга. Он добился разрешения императора Александра I на осмотр тюрем столицы. Во время одного из посещений петербургских мест заключения в сырых казематах Управы Благочиния он нашел четырех мальчиков среди двадцати шести мужчин. В «Донесении о состоянии тюрем и прочих мест заключения в Петербурге» (1818) Вальтер Веннинг писал, что в одной комнате содержалось «до ста человек, которым было негде прилечь ни днем, ни ночью» [2, с. 12].

Улучшение участи несовершеннолетних преступников, как раз связано с деятельностью «Попечительное о тюрьмах общества». В 1820 году петербургский комитет общества постановил: «аресто-

ванных малолетних отделить от взрослых, учить грамоте и легкой работе» [2, с.280]. В остальной части огромной Российской империи все оставалось без изменений. На детей в тюрьмах не запрещалось надевать разные оковы «для большей безопасности от побега» [10, с. 417].

В Российской империи существовали не только государственные, но и помещичьи тюрьмы. До отмены крепостного права суд над крестьянами был в руках помещиков. В 1846 году правительство на законодательном уровне подтвердило право помещика ссылать своих крепостных в Сибирь на поселение, бить палками и розгами и сажать в свои помещичьи «сельские тюрьмы». Определен был срок такого заключения в два месяца. По Уложению о наказаниях 1846 года заключение должно было происходить по общим правилам, предписанным для тюрьмы. Помещики имели неограниченную власть над крепостными крестьянами, поэтому эти правила редко соблюдались. Таким же наказаниям подвергались и несовершеннолетние. В своей монографии «История царской тюрьмы» М. Н. Гернет описывает несколько случаев жестокого обращения с детьми со стороны помещиков. Их заковывали в кандалы, бросали в подземную тюрьму, морили голодом. В 1858 году помещик Загорский решил наказать 13-летнего крепостного дворового мальчика сажая в печь, где находились раскаленные уголья. «Вина мальчика заключалась только в том, что он тратил на еду больше времени, чем это хотелось помещику» [5, с. 4–6].

Несовершеннолетних арестантов, приговоренных каторге и ссылке в Сибирь, продолжали заковывать даже при правлении Александра II. В. Н. Никитин в работе «Тюрьма и ссылка» приводит в пример с заключенным 16-летним Василием Катковым. 16 июля (по ст. стилю) 1874 года его закованного в кандалы доставили из Пскова в Петербургскую пересыльную тюрьму за кражу. Петербургское губернское правление отказалось расковать Каткова «по несовершеннолетию», потому что он уже считался ссыльным. В дальнейшем, под давлением общественности все-таки было принято решение «что несовершеннолетних ни в коем случае заковывать не следует» [2, с. 126–128].

Исправительные приюты и колонии для малолетних преступников в России появились лишь во второй половине XIX века. Впервые о специализированных учреждениях, куда должны были помещаться несовершеннолетние преступники было упомянуто в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года [5, с. 4–5]. При обсуждении судебных уставов была высказана мысль: «что по особым свойствам детского возраста, применение к малолетним общих видов наказаний представляется или совершенно невозможным или ведущим к положительному вреду» [9, с. 13].

В 1866 году был принят специальный закон, который устанавливал общие правила детских исправительных приютов и колоний в России. Правитель-

ство рассчитывало на активное участие общественности в создании таких «богоугодных заведений» [1, с.4].

С середины XIX века в России меняется отношение к людям, нарушившим закон и все чаще поднимаются вопросы, связанные с предупреждением преступлений. Особенно остро стояла проблема детской преступности. Известный юрист Д.Г. Тальберг писал: «Следует признать относительно малолетних преступников, характер которых не успел еще выработаться, окончательно сложиться, а порочные наклонности и привычки не успели еще окрепнуть и развиться настолько, чтобы общество потеряло надежду на возвращение их к обычным занятиям мирных граждан» [1, с. 2]. По его мнению, основная причина детских преступлений в «особенностях окружающей среды». Прежде всего, это связано с аморальным поведением родителей, нищетой, с отсутствием воспитания и образования [16, с. 3]. В местах лишения свободы дети попадали в преступную среду, и за тюрьмами в России «давно установилась репутация как школы преступности и разврата», и чтобы избежать рецидивов детской преступности необходимо заниматься воспитанием и образованием подрастающего поколения в специализированных учреждениях [10, с. 413].

Первые исправительные учреждения в России для малолетних преступников были созданы в Москве (1864) и Петербурге (1870). К 1878 году по всей стране их было уже 14. Для огромной Российской империи такого количества колоний и приютов было недостаточно. Например, по данным Д. Г. Тальберга, в Англии их насчитывалось более 400 [1, с. 4], по другим данным в этой стране насчитывалось 200 детских учреждений, рассчитанных на 30 тысяч детей. В Англии «особые агенты» выискивали беспризорных, брошенных детей и устраивали в приюты.

В дореволюционной России отсутствовало само понятие «профилактика детской преступности» [11, с. 134].

В 1890–е годы создаются исправительные учреждения для несовершеннолетних во многих губерниях России. К 1893 году их было уже 21. Кроме исправительных приютов и колоний создаются различные общества ремесленных приютов и земледельческих колоний [12, с. 117–118]. Уставы, отчеты детских колоний и приютов публикуются в «Тюремном вестнике». Одним из первых в 1893 году был опубликован устав «Уфимского общества ремесленных приютов и земледельческих колоний», хотя само общество было создано лишь в 1897 году. Цель общества: «содействовать нравственному исправлению несовершеннолетних обоего пола». Также в приют предполагалось принимать, при наличии свободных мест, беспризорных, нищих, детей арестантов и ссыльных [13, с. 1]. Большинство исправительных учреждений были предназначены только для мальчиков, приютов для девочек было мало. Например, в Саратовском учебном – исправительном приюте

(1873) содержали мальчиков и девочек. Следует выделить приют, открытый в селе Большево в Московском уезде (1874) и Варшавским обществом земледельческих колоний в усадьбе Пуша под Варшавой (1891) [14, с. 19-22]. Большевский приют был предназначен «для нищенствующих девочек», хотя туда принимали и осужденных девочек по приговорам Московского окружного суда за «нищенство» и за кражи. Из-за отсутствия специализированных учреждений для несовершеннолетних женского пола осужденные девочки оставались в тюрьмах, потому что по закону малолетних преступников можно было отдавать в приюты только «в тех местах, где учреждены исправительные приюты» [15, с. 178]. В редких случаях их отправляли в женские монастыри. Мужские и женские монастыри в России часто служили местом тюремного заточения. Женщин заключали в Московский Ивановский монастырь, Новодевичий и Вознесенский. Содержание арестантов и конвоя оплачивало государство [16, с. 176]. В какие монастыри отправляли девочек «преступниц», точно не известно. Проблема заключалась в том, что в монастырях отсутствовал контроль со стороны правоохранительных органов и монахини часто сами не знали, что они должны делать с такими детьми [15, с. 178].

В 1893 году был принят закон, по которому осужденных девочек разрешалось пересылать в специализированные исправительные учреждения. В обществе эту меру посчитали не гуманной, потому что детей разлучали с родителями, разрывались семейные связи. В статье «Исправительные приюты для несовершеннолетних женского пола» анонимный автор предлагал привлекать к созданию приютов для девочек дамские комитеты «Попечительного о тюрьмах общества». Дешевле было открывать отделение для девочек уже при существующих мужских приютах для несовершеннолетних [15, с. 183]. Осужденные девочки вызвали больше сострадания и сочувствия, чем мальчики, так как, девочки могли отступить и начать «торговать собой». По отчету Петербургского детского суда за 1910 год 10% всех девочек, представших перед судом, занимались проституцией [17, с. 367]. По данным известного юриста А. Ф. Кони, в Одессе 10% всех проституток города составляли дети от 12 до 15 лет [17, с. 372]. В России, на начало XX века, существовал только один приют, специально предназначенный для детей проституток – отделение для несовершеннолетних Петербургского «Дома Милосердия». Туда направляли девушек до 16 лет по решению врачебно-полицейского комитета, совета «Дома милосердия», благотворительного общества при Калинкинской больнице (венерологическая клиника) и по просьбе родителей девушек. Небольшой приют «Святой Марии Магдалины» был и в Москве, куда принимали девушек по желанию и всех возрастов [17, с. 380]. Создание приютов проблему детской преступности и проституции

не решала. Общественность без поддержки государства справиться с детской преступностью, как с социальным явлением не могла.

В отчетах ремесленных приютов и земледельческих колоний часто встречаются записи о тяжелом финансовом положении детских исправительных учреждений со следующими формулировками «должность младшего воспитателя вследствие недостатка средств не замещена», «Правление общества постановило уменьшить отпуск дорогих продуктов, а именно мяса и пшеничной муки на пироги» и др. [11, с. 133]. Например, в Симбирском исправительном приюте летом дети вставали в 5 утра занимались учебной и трудовой деятельностью, на завтрак в 8 часов давали только чай. Нормально дети ели два раза в день, в обед (12 ч.) и на ужин (20 ч.). В основу воспитания был положен «трудовой режим». Дети проходили курсы садоводства, огородничества, пчеловодства, работали в столярной и сапожной мастерской. У приюта были финансовые трудности, поэтому автор статьи М. Беклешов «Русские воспитательно – исправительные заведения для несовершеннолетних» пожелал руководству найти новые источники финансирования, чтобы «пищевой режим (мясо, мука) восстановить в прежнем количестве». На улучшение материального положения приютов, по мнению автора, был направлен и новый закон «Положение о воспитательно-исправительных учреждениях для несовершеннолетних» от 19 апреля 1909 года (по ст. стилю). Правительство предполагало увеличить вдвое финансирование «на продовольствие, а также на обмундирование и постельные принадлежности» [11, с. 147]. По данным Главного тюремного управления, общества, которые управляли исправительными учреждениями для несовершеннолетних, не были бедными. Например, на 1909 год все 47 детских приютов и колоний владели недвижимостью на 2 миллиона и капиталами на 854,795 тысяч рублей. Это были пахотные земли, луга, сады, огороды, мастерские, жилые помещения. Детским учреждением управлял директор и правление, были действительные и почетные члены общества, учителя, воспитатели и другой обслуживающий персонал [11, с. 135–136]. В отчетах не всегда указываются точные сведения по зарплате. В 1882 году Д.Г. Тальберг приводил данные по московскому городскому Руковишниковскому исправительному приюту. Директор в год получал 2 тысячи рублей, его помощник 900, а воспитатели 750 руб. [1, с. 9]. В 1910 году в Киевской исправительной колонии сапожный мастер в год получал 600 рублей, а столярный 420 руб. и плюс проценты «из чистого дохода» по мастерской [11, с. 136–137]. Для сравнения средняя пенсия тюремного надзирателя в год была 90 рублей. Н. Васильев, автор

статьи, «К новому закону о надзирательских пенсиях» считает, что этой суммы вполне достаточно, чтобы «тюремный стражник в возрасте приблизительно 55–60 лет в состоянии будет прокормить себя с семейством, где ни будь на дешевых харчах, не нуждаясь в непрерывном, успешном труде» [18, с. 93]. На самом деле, семья жила на 8–9 рублей месяц на грани нищеты.

В приюты и колонии попадали дети уже с имеющимися «пороками». Многие пили и курили. В детских исправительных учреждениях курить было запрещено. Но, были и исключения. Костромской ремесленно – исправительный приют не только разрешал курить воспитанникам, также каждую неделю покупал 1/8 фунта табака на каждого курильщика [11, с. 136–137]. По мнению М. Беклешова, в приютах и колониях было больше детей рабочих, чем крестьян, и они меньше поддавались перевоспитанию [11, с. 140]. На 1910 год в России насчитывалось 47 детских исправительных приютов и колоний, рассчитанных на 1700 детей. Они могли принять только 11 % осужденных детей. Остальные направлялись в арестные дома и тюрьмы, в которых содержались взрослые преступники [11, с. 150].

С детьми в приютах занимались, обучали ремеслу и устраивали праздники. Один из таких праздников на средства благотворителей, встреча Нового 1895 года, устроили детям в Одесском исправительном приюте. Праздник начался с пения «русского» гимна, с речью выступил директор приюта Ф. Г. Савенко, высказал «благие пожелания» и «сравнил их прошлую жизнь с тем, что предстоит им еще испытать». Дети пели песни, играли в беспроигрышную лотерею. В подарок все получили ткани для рубашек, лакомства и книги. Новогодняя ёлка была устроена на средства меценатов [19, с. 192]. В основном, именно благотворительные организации и частные лица оказывали помощь несовершеннолетним детям.

Заключение.

Таким образом, в ходе судебной реформы 1864 года произошли серьезные изменения в судопроизводстве с участием несовершеннолетних преступников, были созданы детские исправительные учреждения. Изменилось отношение российского общества к детям, нарушившим закон. Детская преступность была признана как социальное явление. Но, проблемы, связанные с детской преступностью на начало XX века в Российской империи, не были решены. Прежде всего, не хватало государственной поддержки и финансирования детским исправительным учреждениям и благотворительным обществам, которые занимались не только воспитанием, но и решением проблем рецидива детских преступлений.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Тальберг Д. Г. Исправительные приюты и колонии в России. С – Пб.: Тип. В.С. Балашова, 1882. 63 с.
2. Никитин В. Н. Тюрьма и ссылка. С-Пб: Тип. Г. Шпарват., 1880. 674 с.
3. Богдановский А. М. Молодые преступники: вопрос уголовного права и уголовной политики. С - Пб.: Тип. А. Моригеровского, 1871. 301 с.
4. Дети преступники. М.: Культура, 1912. 550 с.
5. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Т. II. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946. 478 с. EDN: ZJORZH
6. Синова И. В. Быт и питание воспитанников благотворительных заведений для детей Санкт-Петербурга в середине XIX - начале XX веков // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 10. С. 480-496. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-480-496 EDN: JQZUSO
7. Беляева Л. И. Роль общественности в тюремных преобразованиях XIX в. в России // Пенитенциарная наука. 2021. Т.15. № 1 (53). С. 5-19. DOI: 10.46741/2686-9764-2021-15-1-5-19 EDN: UNPPNM
8. Лапо П.В., Катцина Т.А. Организация деятельности детских приютов при пенитенциарных учреждениях Российской империи в XIX - начале XX вв. (на примере Красноярского приюта для арестантских детей) // Bylye Gody. № 17 (4). 2022. С. 1744-1752. DOI: 10.13187/bg.2022.4.1744 EDN: TYDMJT
9. Гуревич С. А. Ответственность юных преступников по русскому законодательству // Дети преступники. М: Культура, 1912. С. 7-20.
10. Всевяцкий П. В. Несовершеннолетние в тюрьме // Дети преступники. М.: Культура, 1912. С. 413-427
11. Беклеиов М. Русские воспитательно - исправительные заведения для несовершеннолетних //Тюремный вестник. 1910. № 1. С. 131-150.
12. Разные известия // Тюремный вестник. 1893. № 3. С. 116-118.
13. Устав Уфимского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов // Тюремный вестник 1893. № 5. С. 1-11.
14. Белова Н. И. Воспитательно - исправительные учреждения для несовершеннолетних женского пола в России во второй половине XIX - начале XX века // Ведомости уголовно-исправительной системы. 2021. № 1. С. 18 - 30. DOI: 10.51522/2307-0382-2021-224-1-18-30 EDN: НХОЕМС
15. Исправительные приюты для несовершеннолетних женского пола // Тюремный вестник. 1895. № 4. С. 178-183.
16. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Т. I. М.: Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1941. 247 с. EDN: WRJAFR
17. Гальперина В. И. Проституция детей // Дети преступники. М.: Культура, 1912. С. 367-380.
18. Васильев Н. К новому закону о надзирательских пенсиях // Тюремный вестник. 1893. № 3. С. 87-96.
19. Исправительные заведения для несовершеннолетних и приюты для арестантских детей // Тюремный вестник. 1895. № 4. С. 192-202.

References:

1. Talberg D. G. *Correctional shelters and colonies in Russia*. St. Petersburg: V.S. Balashov's Printing House, 1882. 63 p.
2. Nikitin V. N. *Prison and Exile*. St. Petersburg: G. Shparvat's Printing House, 1880. 674 p.
3. Bogdanovsky A. M. *Young Offenders: a Question of Criminal Law and Criminal Policy*. S.-Pb.: Typ. A. Morigerovskogo, 1871. 301 p.
4. *Children as criminals*. Moscow: Kul'tura, 1912. 550 p.
5. Gernet M. N. *History of the Tsarist Prison*. Vol. II. Moscow: Legal Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR, 1946. 478 p. EDN: ZJORZH
6. Sinova I. V. *Everyday Life and Nutrition of Inmates of Charitable Institutions for Children in St. Petersburg in the Mid-19th – Early 20th Centuries* // *Scientific Dialogue*. 2022. Vol. 11. No. 10. Pp. 480–496. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-480-496 EDN: JQZUSO
7. Belyaeva L. I. *The Role of the Public in Prison Reform in 19th-Century Russia* // *Penitentiary Science*. 2021. Vol. 15. No. 1 (53). Pp. 5–19. DOI: 10.46741/2686-9764-2021-15-1-5-19 EDN: UNPPNM
8. Lapo P.V., Katsina T.A. *Organization of the activities of children's shelters under penitentiary institutions of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries. (using the example of the Krasnoyarsk shelter for prisoner children)* // *Bylye Gody*. No. 17 (4). 2022. Pp. 1744–1752. DOI: 10.13187/bg.2022.4.1744 EDN: TYDMTJ
9. Gurevich S. A. *The Responsibility of Young Criminals under Russian Law* // *Children as Criminals*. Moscow: Culture, 1912. Pp. 7–20.
10. Vsesvyatsky P. V. *Minors in Prison* // *Children as Criminals*. Moscow: Kul'tura, 1912. Pp. 413–427.
11. Bekleshov M. *Russian Educational and Correctional Institutions for Minors* // *Tyuremny Vestnik*. 1910. No. 1. Pp. 131–150.
12. *Various News* // *Tyuremny Vestnik*. 1893. No. 3. Pp. 116–118.
13. *Charter of the Ufa Society of Agricultural Colonies and Craft Shelters* // *Prison Herald*. 1893. No. 5. Pp. 1–11.
14. Belova N. I. *Educational and Correctional Institutions for Female Minors in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century* // *Bulletin of the Penal Correction System*. 2021. No. 1. Pp. 18–30. DOI: 10.51522/2307-0382-2021-224-1-18-30 EDN: HXOEMC
15. *Correctional shelters for female minors* // *Prison Bulletin*. 1895. No. 4. Pp. 178–183.
16. Gernet M. N. *The History of the Tsarist Prison*. Vol. I. Moscow: Legal Publishing House of the NKYu USSR, 1941. 247 p. EDN: WRJAFR
17. Galperina V. I. *Prostitution of Children* // *Children as Criminals*. Moscow: Culture, 1912. Pp. 367–380.
18. Vasiliev N. *On the New Law on Warden's Pensions* // *Prison Herald*. 1893. No. 3. Pp. 87–96.
19. *Correctional Institutions for Minors and Orphanages for Prisoner's Children* // *Prison Herald*. 1895. No. 4. Pp. 192–202.

Информация об авторе.

Галиуллин Ильшат Рустемович, аспирант кафедры отечественной истории и архивоведения Института международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань (galiullinir@mail.ru)

Ilshat R. Galiullin, postgraduate student of the Department of Russian History and Archival Science of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Kazan (galiullinir@mail.ru)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 17.08.2026;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.09.2026;
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.